

Русофобия левых

Решение второй задачи имперской реставрации связывалось с борьбой с космополитизмом элиты. Космополитизм и даже русофобия охватывали в 1920-е годы значительную часть новой революционной элиты. Главным внутренним врагом для левоинтернационалистского крыла большевизма являлось «русское великодержавие».

Принципу национальной (цивилизационной) идентичности противопоставлялась доктрина о слиянии наций. Еще народнический теоретик П. Л. Лавров декларировал утрату значения национального вопроса перед задачами социальной борьбы, для которых ни границ, ни языков, ни преданий не существует. Основоположник отечественного бланкизма П. Н. Ткачев подчеркивал несовместимость приверженности к социализму и национальной самобытности¹⁵.

В рамках марксистской платформы проводилась дифференциация буржуазного и коммунистического вариантов денационализации. Первому из них соответствовало понятие космополитизм, второму — интернационализм. Большевики апеллировали к грядущему мироустройству без наций. Цель революционной борьбы заключалась, по словам В. В. Маяковского, в том, «чтобы без России, без Латвий жить единым человечьим общежитием». Даже разговоры о «дружбе» и «братстве» народов, противоречащие идее о полном исчезновении нации, классифицировались первоначально как проявление мелкобуржуазного национализма.

Характерно, что многие из видных российских революционеров считали себя людьми без какой-то определенной национальной принадлежности. Л. Д. Троцкий, отвечая на вопрос, относит ли он себя к евреям или русским, пояснял свою иден-

¹⁴ Федотов Г. П. Россия и свобода // Федотов Г. П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. 276–303 с.

¹⁵ Вдовин А. И. Русские в XX веке. Факты. События. Люди. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. С. 8.

тичность таким образом: «Ни тем, ни другим. Я социал-демократ, интернационалист». Не относил себя к еврейской национальности и Л. Б. Каменев. «Я не еврей, я — коммунист», — заявлял Л. З. Мехлис. Сам В. И. Ленин при заполнении паспортных данных записал: «Без национальности»¹⁶.

Путь реализации интернационалистской модели виделся в дезавуировании и подрыве идентификационных основ государствообразующего народа. Это обосновывалось как необходимый противовес сложившегося, ввиду численного преобладания русских, фактического неравенства. Открыто и прямолинейно со съездовских трибун (например выступление Н. И. Бухарина на XII съезде 1923 г.) выдвигалась задача искусственно поставить русский народ в более низкое, в сравнении с другими нациями, положение. Таким способом предполагалось компенсировать перед якобы угнетенными прежде народами великодержавный период русской истории¹⁷.

Провозглашался массовый культурный поход против «старой России». Понимаемый таким образом интернационализм приводил на практике к разгулу русофобии. «Обломовщина» являлась, пожалуй, наиболее популярной маркировкой русского национального характера. Письменные распоряжения председателя СНК пестрили выражениями типа «русские дураки» или «полуварвары русские». Да и вообще само употребление слова русский вплоть до середины 1930-х гг. имело преимущественно негативный смысл. Один из партийных лидеров, Л. Б. Каменев, с сочувствием цитировал стихи В. С. Печерина: «Как сладостно — отчизну ненавидеть...».

Не следует это представлять так, будто инородцы — евреи, прежде всего, придя к власти обрушились с клеймением на русский народ. Размежевание внутри партии было обусловлено не этнической принадлежностью, а идеологической позицией. Грузин И. В. Сталин возглавлял русофильскую группу. Напротив, этнически русский Николай Бухарин был из партийного руководства особо жесток в характеристиках России и русского народа. Большевистский идеолог клеймил русскую «азиатчину», «кнутобойство», называл Россию «дурацкой страной», сравнивал ее с «широкозадой деревенской бабой» (и это говорил

¹⁶ Вдовин А. И. Русские в XX веке. Факты. События. Люди. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. С. 10.

¹⁷ Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. Париж: Ymca-Press, 1980. С. 11

официальный государственный деятель). «Оно, — описывалось Н. И. Бухариным русское прошлое, — в темноте, оно — в мордобое, оно — в пьянстве, оно — в матерщине, оно — в дряблости, неуважении к труду, хулиганстве, оно — в “ладанках” и “иконках”, “свечках” и “лампадках”, оно — в остатках шовинизма... Оно — в свинском обращении с женщиной, оно — во внутренней разнузданности, в неумении работать над собой, в остатках обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы... Нужны были именно большевики, чтобы из аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала нация Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата!» К созданному писателем Иваном Гончаровым образу ленивого человека Бухарин обращался не единожды, превращая его в персональный символ русского народа. «Русский народ, — заявлял он, — нация Обломовых, нация рабов, с рабским прошлым, народ — растяпа с присущей ему азиатской ленью». Клеймил Бухарин и культурное творчество, обращенное к русской национальной традиции. Под удар бухаринской критики подпадает, в частности, есенинская поэзия: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера”: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще... Есенинская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в “ухаря-купца”: в лаковых сапожках, с шелковым шнурком на вышитой рубахе, “ухарь” припадает сегодня к ножке “государыни”, завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом “душевно” сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троице-Сергиевскую лавру “на помин души”. Он даже может повеситься на чердаке от внутренней пустоты. “Милая”, “знакомая”, “истинно русская” картина!».

Реабилитация Н. И. Бухарина в перестроечные годы была сопряжена с созданием образа невинной жертвы сталинских репрессий, представляющего демократическую альтернативу сталинизму. Вероятно, Бухарин и не участвовал в антисталинском заговоре. Но его идейная позиция была, если называть вещи своими именами, позицией русофоба.

Русофобия охватила в двадцатые годы и новую советскую литературу. Русофобские позиции иллюстрируют, в частности, стихи В. Александровского:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.
Костылями скрипела и шаркала,
Губы мазала в копоть икон,
Над просторами вороном каркала,
Берегла вековой, тяжкий сон¹⁸.

В том же русофобском духе написаны стихи Демьяна Бедного:

Сладкий храп и слюнищи возжею с губы,
В нем столько похабства!
Кто сказал, будто мы не рабы?
Да у нас еще столько этого рабства...
Чем не хвастались мы?
Даже грядущей килей,
Ничего, что в истории русской гнилой,
Бесконечные рюхи, сплошные провалы.
А на нас посмотри:
На весь свет самохвалы,
Чудо-богатыри.
Похвальба пустозвонная,
Есть черта наша русская — исконная,
Мы рубили сплеча,
Мы на все назывались.
Мы хватались за все сгоряча,
Сгоряча надрывались,
И кряхтели потом на печи: нас — «не учи!»,
Мы сами с усами!..
Страна неоглядно великая,
Разоренная рабски-ленивая, дикая,
В хвосте у культурных Америк, Европ, Гроб.
Рабский труд — и грабительское дармоедство,
Лень была для народа защитное средство,
Лень с нищетой, нищета с мотовством,
Мотовство с хватовством.
Неуменье держать соседства...

¹⁸ Шафаревич И. Р. Русофобия. Две дороги — к одному обрыву. М.: Товарищество русских художников, 1991. С. 116.

Сталин уже в 1930-м году, когда еще поворот на национал-большевистские рельсы не был очевиден, подверг Демьяна Бедного резкой критике, обвинив в клевете на русский народ. «В чём проявляются Ваши ошибки? — писал он в ответном письме на жалобу поэта. — Они состоят в том, что критика недостатков жизни и быта СССР, критика обязательная и нужная, развитая Вами вначале довольно метко и умело, увлекла Вас сверх меры и, увлѣкши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в клевету на СССР, на его прошлое, на его настоящее... [Вы] стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения... что “лень” и стремление “сидеть на печке” является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата»¹⁹.

В общий русофобский хор новой советской литературы вливался поначалу из-за рубежа и голос пролетарского писателя Максима Горького. «Костер зажгли, — пишет будущий первый председатель правления Союза писателей СССР, — он горит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира... А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен сентиментализма... В этом мире дело оценки человека очень просто: вы умеете работать?.. Не умеете?.. Тогда вы лишний человек в мастерской мира. Вот и все. А так как россияне работать не любят и не умеют, и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем... Русский человек в огромном большинстве плохой работник. Ему неведом восторг строительства жизни и процесс труда не доставляет ему радости; он хотел бы — как в сказках — строить храмы и дворцы в три дня и вообще любит все делать сразу, а если сразу не удалось — он бросает дело. На Святой Руси труд подневолен... отношение к труду — воловье»²⁰.

¹⁹ Сталин И. В. Письмо Д. Бедному. 12 декабря 1930 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 31–35. С. 33–34.

²⁰ Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. С. 52.

Естественно, особое значение в борьбе с «русским великодержавием» придавалось подрыву исторического сознания. Само наименование «русская история», как «контрреволюционный термин одного издания с трехцветным флагом» исключалось из образовательных программ. Исторические национальные герои России подавались в качестве реакционеров. Более других, пожалуй, досталось Д. Пожарскому и К. Минину. В рамках пролеткультовского движения проводилась широкая кампания по демонтажу их памятника на Красной площади. Под запрет, как проявление мелкобуржуазного национализма попала идея «патриотизма».

Пасквильную форму интерпретации исторической миссии ведущих деятелей отечественной истории иллюстрируют поэтические строчки Джека Алтаузена:

Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить,
Их за прилавками
Октябрь застал.
Случайно им
Мы не свернули шею
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь,
Они спасли Расею?
А может, лучше было б не спасать²¹.

Признанным лидером советских историков выступал в двадцатые годы академик Михаил Николаевич Покровский — жесткий критик российской государственности. Авторитет Покровского был столь велик, что его имя пять лет носил Московский Государственный Университет, ныне носящий имя Ломоносова. Взгляды М. Н. Покровского на российскую историю отражает следующий фрагмент из его сочинений: «Предлагаю всегда писать название страны “Россия” именно так,

²¹ Шафаревич И. Р. Русофобия. Две дороги — к одному обрыву. М.: Товарищество русских художников, 1991. С. 76.

в кавычках, настолько оно скомпрометировало себя за тысячелетнюю историю, в которой не было ни единого светлого пятна, а лишь угнетение собственного тёмного, дикого и забитого народа и подавление стремления к свободе других... “Российская империя” вовсе не была национальным русским государством. Это было собрание нескольких десятков народов... объединенных только общей эксплуатацией со стороны помещичьей верхушки, и объединенных притом при помощи грубейшего насилия». Еще одна цитата: «Российскую империю называли тюрьмой народов. Мы знаем теперь, что этого названия заслуживало не только государство Романовых, но и его предшественница, вотчина потомков Калиты. Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было тюрьмой народов. Великороссия построена на костях инородцев, и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великоруссов течет 80% их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло послужить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет»²².

Языковая политика заключалась в переориентации от кириллицы к латинскому алфавиту. Активно велись разработки языка эсперанто. В риторическом революционном запале левые пропагандисты доходили до отношения к русскому алфавиту как к «идеологически чуждой социалистическому строительству форме», «пережитку классовой графики самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма и насильственной русификации». За весь продолжавшийся до середины 1930-х гг. период большевистской лингвистической дерусификации на латинскую графику был переведен алфавит 68 национальностей²³.

Основанные когда-то русскими города переименовывались в соответствии с фонетикой национальных меньшинств: Верхнеудинск стал Улан-Удэ, Белоцарск — Кизилом, Верный — Алма-Атой, Усть-Сысольск — Сыктывкар, Обдорск — Салехардом, Царевококшайск — Йошкар-Олой, Петровск-Порт — Махачкалой и т. д.

²² Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. 1930. № 18–19. С. 28.

²³ Вдовин А. И. Русские в XX веке. Факты. События. Люди. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. С. 63.

Уже после смерти В. И. Ленина в апреле 1924 г. создается Союз безбожников (позднее, воинствующих безбожников). Именно в этот период под руководством Емельяна Ярославского была развернута широкомасштабная антирелигиозная пропаганда. С высокой партийной трибуны звучали одобряемые руководством партии такие речи, как например, заявление Н. И. Бухарина о генетической связи русского алкоголизма с природой православия²⁴.

Левокоммунистическое наступление продолжалось еще в начале 1930-х гг. Осуществлялась кампания по снятию церковных колоколов и передаче их в государственные учреждения для использования в хозяйственных нуждах. Продолжалась кампания по переводу алфавитов национальных меньшинств от кириллицы к латинской графике. Еще в июне 1930 г. нарком просвещения, председатель Ученого совета при ЦНК СССР А. В. Луначарский заявлял: «Отныне наш русский алфавит отдалил нас не только от Запада, но и от Востока... Выгоды представляемые введением латинского шрифта, огромны. Он даст нам максимальную международность»²⁵.